

Quelle

Lachno, I.: Жестокой ценой (Прафна, 23 декабря 1988)

ПРАВДИНСКИЕ ПЯТНИЦЫ

23 декабря 1988 года № 358 (25710)

Давно не давала мне покоя история жизни моего земляка Феодосия Капиноса, да все как-то не решалось о нем написать. Простой крестьянин, трудолюбивый, малограмотный — таких, как он, миллионы. И судеб трагических, как у него, тоже не счесть.

Но вот прочел как-то в газете «Вечерний Харьков» статью одного из местных ученых и понял, что нельзя нам сегодня, за общими рассуждениями об историческом процессе, забывать о судьбах простых людей.

Особенно резануло меня вот такое рассуждение, нередко встречающееся в подобных публикациях: «Надо сказать, что низкий уровень культуры населения полной мерой способствовал развитию культуры личности...» Что же, выходит, именно народ из-за своего дремучего бескультурья виноват в раздувании культа личности Сталина, в негативных явлениях того периода? Да еще — полной мерой... Значит, виноват и грузин Иван Демур, о трагедии которого рассказывала центральная пресса? Виноват и мой земляк Феодосий Капинос, которого тоже не обошла горькая судьба? Чем же они провинились?

В минуту откровенности поведал когда-то мне Феодосий (в селе у нас его звали Федосеем) о своей горемычной жизни. Но мое желание написать об этом его растревожило, и Феодосий взял с меня слово не делать этого, пока он жив. Сегодня пришла пора выполнять долг перед земляком. Тем более что его история — еще один штрих для понимания той эпохи.

ДЕРЕВУШКА наша, не нажитая вавилонская и сорока уроков, затерлась в бескрайних актобинских степях. Организованный тут в 30-м году колхоз «Путь коммунизма» считался из самых зажиточных в районе. В одно недоброе утро (читать бы наперед!) зима 38-го заглянула в контору районной колхозник Капинос. Там сидели председатель правления, секретарь парторганизации и еще несколько человек. Над головой у председателя висела фотография Сталина, где он снят в картузе с заложженной за борт шинели рукой.

И надо же было такому случиться: Феодосий без всякой задней мысли встал посреди кабинета и, сунув руку между пугонцами дванной фуфайки, попробовал повторить жест и позу «вождя». На минуту воцарилась неловкая тишина; кое-кто поспешил проскользнуть боком на выход, другие затворили о своих повседневных заботах. Казалось, все

была с жеребенком. Как и другие односельчане, он отшел ее в колхоз. А четыре года спустя его хотели принудить расстрелять животных... Можно ли сильнее обидеть настоящего крестьянина? Ведь для него лошадь в ту пору была кормилицей, а хозяйское, бережное отношение к ней — мерилом нравственности. Феодосию было всего 30 лет, когда угодил его на Колыму мыть золото. Вернулся же он изломанным, немощным стариком. Жена и дети, выросшие без отца, его не узнали. И он их не узнал. И долго, невыносимо долго угромо молчал, тая в душе все пережитое.

Кто же был Феодосий Капинос? Бузотер и волонщик? А может, действительно, затанцованный до срока классовый враг? Да нет, конечно. Обык-

новенный крестьянин. Какую опасность мог представлять он для социалистического Отечества? В тридцатом сам отвел на общий двор единственную лошадь и корову с телкой, добровольно уступил и колхоз. Выросший без отца, с детства приучен добывать хлеб в поте лица, к земле охоч. И в колхозе работал не покладая рук.

Но тогда, в 38-м, его обвинили заодно и в кулацких замашках, и даже во вредительстве. Об этом надо сказать особо. Дело в том, что в 1934 году в наше село со всей округи начали сгонять табуны лошадей, якобы зараженных сибирской язвой. Следом приезжала ветеринарная бригада, обирали лошадей, привороженных к уничтожению. Обычно расстреливала их специальная милицмейская команда, и деревенские мужики лишь копали огромные ямы. Но однажды наших мужиков, в том числе и моего отца и Феодосия, хотели заставить убивать животных. Крестьяне натрез отказались. Тогда им это сонно с рук. И только в 38-м все же выносили: Капиноса обвинили и как пособника вредителя, распространяющего заразу...

У моего отца тоже была колхозная лошадь, и в кулацких замашках, и даже во вредительстве. Об этом надо сказать особо. Дело в том, что в 1934 году в наше село со всей округи начали сгонять табуны лошадей, якобы зараженных сибирской язвой. Следом приезжала ветеринарная бригада, обирали лошадей, привороженных к уничтожению. Обычно расстреливала их специальная милицмейская команда, и деревенские мужики лишь копали огромные ямы. Но однажды наших мужиков, в том числе и моего отца и Феодосия, хотели заставить убивать животных. Крестьяне натрез отказались. Тогда им это сонно с рук. И только в 38-м все же выносили: Капиноса обвинили и как пособника вредителя, распространяющего заразу...

Нет, никак не могу согласиться с теми, кто утверждает, что «попски «ошибки» в моральном плане вредны и нередко ведут к принижению нашего достоинства». Но, пожалуйста, достойно ли советского гражданина и общества предавать забвению тысячи безымянно репрессированных труженников, наших сограждан? Не в этом наше достоинство, а в том, что партия взяла на себя мужество повестать народу Правду. Правду о том, кем мы вправе гордиться, и горькую правду о народной трагедии. Ту горькую правду, что всем нам необходимо — для нашего же самоочищения, для утверждения справедливости.

ВСПОМИНАЯ историю с Феодосием Капиносом, не могу не задуматься и о человеке, который в тот недобрый памятный день понесил доложить кому следует о его неосторожном жесте. Какие мысли вихрились в голове колхозного парторга, пока скакал по морозу сорок верст до райцентра? Никому не дано этого знать. Чувство долга, обязанность коммуниста «выявлять и пресекать внутреннюю контр-ру»? И все же, как мог он за-

подозреть врага в товарище детства, в честном, пусть и малограмотном труженнике... Не думаю, что был он из числа клеветников, наушников, насладившихся горем своих соседушек или соседей. Возможно, боялся парторг за себя: если не он, сообщит другой, и ему самому несдобровать. Вот в этом, думаю, главное. Чуть не на всех пережестках гремели тогда призывы разоблачать врагов народа. В обстановке всеобщей подозрительности и громадных призывов не каждый был способен устоять, некоторые считали своим патристическим долгом выявлять, искоренять. И выявляли, зачастую не ведая, кто прав, кто виноват.

Все, кого удалось расприсорить из моих односельчан, говорили в один голос о парторге как о хорошем и добром человеке. Он умел позаботиться о людях, организовал первый в округе детский сад. Просуществовал этот сад до самой войны, и мы, уже школьниками, продолжали бегать туда, чтобы съесть мяску кашки. Так распорядился партийный секретарь. На фронт он ушел одним из первых в селе и погиб героической смертью. Потому и не называю здесь его фамилию — не поднимается рука швырять камни в его след...

Может быть, это и заставило меня в свое время спросить Феодосия, как бы он поступил и то роковое утро, будь он на месте парторга. Капинос долго и тяжело молчал, упершись взглядом в землю. Наконец вынырнула и истинный ответ: «Не знаю. Партерное, сделал бы то же самое. У него не было выхода».

Думаю, он не забыл обиды, но в глубине души понимал: время было трагическим не только для таких, как он сам, жестоко и несправедливо наказанных. То было трагическое время для всего народа.

Нет, не должна, не можем, не имеем права забывать эти горькие страницы. Чтобы никогда больше не повторить нашего человеческого достояния.

И. ЛАХНО (Корр. «Правды»). г. Харьков.

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ИСТОРИЯ Жестокой ценой

было забыто. Но час спутни колхозный парторг уже сел на коня и поскакал за сорок километров в райцентр. Той же ночью Феодосия взяли.

Остатки наш колхоз разделили в те времена на несколько. По радио, в газетах, с трибуны различных совещаний и пленумов райкома партии только и слышно было: «Путь коммунизма» саботирует хлебозаготовки». «Путь коммунизма» позорит район... А еще был колхоз имени Сталина, который тоже кастерили за отставание, склоняя все и имя «корычого». И ничего, вроде никому не резало слух. А вот безобидный в сущности жест неграмотного колхозника расценили, видимо, то ли как подрыг осеов, то ли как оскорбление святости. А может, усмотрел в нем и нечто еще более ужасное, если жест попал на «десятку».

После ареста Феодосия осталась в деревне его жена с тремя малолетками. Сколько горя хлебнули они за эти бесконечно долгие десять лет! Кое-кто шарахался от детей «врага народа», но таких, к счастью, были единицы. С гордостью думаю о своих земляках, о том, как велика нрав-

венный крестьянин. Какую опасность мог представлять он для социалистического Отечества? В тридцатом сам отвел на общий двор единственную лошадь и корову с телкой, добровольно уступил и колхоз. Выросший без отца, с детства приучен добывать хлеб в поте лица, к земле охоч. И в колхозе работал не покладая рук.

Но тогда, в 38-м, его обвинили заодно и в кулацких замашках, и даже во вредительстве. Об этом надо сказать особо. Дело в том, что в 1934 году в наше село со всей округи начали сгонять табуны лошадей, якобы зараженных сибирской язвой. Следом приезжала ветеринарная бригада, обирали лошадей, привороженных к уничтожению. Обычно расстреливала их специальная милицмейская команда, и деревенские мужики лишь копали огромные ямы. Но однажды наших мужиков, в том числе и моего отца и Феодосия, хотели заставить убивать животных. Крестьяне натрез отказались. Тогда им это сонно с рук. И только в 38-м все же выносили: Капиноса обвинили и как пособника вредителя, распространяющего заразу...

У моего отца тоже была ко-

ПРОБЛЕМА — ОТВЕТ «Боюсь заболеть...» «Имеется ли угроза заболеть СПИДом через парикмахерские, бани, другие предприятия, оказывающие бытовые услуги населению? Если да...

Зона доверия Трудовой ритм Баку полностью восстановлен, работают все промышленные предприятия, службы быта, учреждения, учебные заведения. Сегодня уже не верится, что еще недавно на улицах проходили многотысячные шествия, бурлила несчетными митингами центральная площадь. Чем же объясняется то, что в Баку все еще действует столь непривычное в мирное время особое положение! давно устали от бессонных ночей, холода, привели к напряжению обстановки, к антисанитарии, возникла угроза эпидемии. Понятно, что необходимо было освободить от митингующих. К тому времени уже было введе-

Eine Druckversion der Übersetzung dieser Quelle findet sich in Hohls, Rüdiger; Schröder, Iris; Siegrist, Hannes (Hg.), Europa und die Europäer. Quellen und Essays zur modernen europäischen Geschichte, Stuttgart: Franz Steiner Verlag 2005, S. 358-360.

Auf diese Quelle bezieht sich ein einführender und erläuternder Essay von Merl, Stephan, Glasnost' und die gesellschaftliche Aufarbeitung des stalinistischen Terrors im zuvor genannten Sammelband, S. 354-357.

Eine Übersetzung dieses Dokuments ist in der Rubrik Quellen im Themenportal Europäische Geschichte (www.europa.clio-online.de) zu finden.